ISSN 0130-7673

НОВЫЙ МИР

11

2008

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«Гляжу [на малого внука], радуюсь. Порой вспоминаю детство свое, безотцовское… Может быть, лишь теперь понимаю, что ни разу в жизни я не произнес слово «папа».

- Борис Екимов
  - ○

Борис Екимов
ПАПИН СЫН

Внуку Мите не было еще и года. Мы с ним домоседовали, занимаясь делами обычными: ползаньем, попытками хождения с «бегунками», горшком, нехитрыми играми: «Полетели-полетели, на головку сели…» да «Козой», которая «забодает, забодает, забодает». К обоюдному удовольствию.

Зашла соседка, о чем-то спросила, а уходя, сказала, сочувствуя моим трудам: «Ну, скоро папа придет…»

Митя встрепенулся и замер, стал глядеть на входную дверь. Глаза — как плошки. Поглядел-подглядел, понял: нет папы.

Продолжилось прежнее: ползанье со звучным хлопаньем ладошек по полу, попытки ходить, на цыпочках, словно танец, заботы и развлеченья. Малыш не скучал, не хныкал, «агукал», беззубо смеялся — все было нормально.

Но время от времени он стал глядеть на входную дверь. Глядел напряженно, внимательно, с явным ожиданьем. Глаза становились круглыми.

Ему было хорошо со мной: покойно, сыто, тепло. Но все равно он ждал папу и маму — людей самых близких и дорогих.

Когда Митя начал говорить, то на первых порах заслужил прозвище «папин сын». И вот почему. Говоришь ему:

— Скажи «мама».

В ответ твердое:

— Па-па…

— «Деда» скажи.

— Па-па…

— А баба?..

— Па-па, па-па, па-па…

Со стула ли, с вешалки стянет и принесет отцову одежду: брюки, рубашку — и объяснит, пальцем указывая: «Па-па…» В старом доме увидел мои красные шорты и сообщил: «Па-па…» Действительно, похожи.

Чем-то возле двора занимались, когда к дому и гаражу напротив подъехала старая машина «Нива», такая как наша. Митя еще ходил нетвердо, но тут понесся, словно на крыльях, с отчаянным: «Папа… Папа…»

Господи, сколько любви к отцу в этом маленьком сердце. Любви беззаветной. И конечно, ответной. Иначе откуда ей взяться.

Гляжу, радуюсь. Порой вспоминаю детство свое,

безотцовское. И не только свое. Может быть, лишь теперь понимаю, что ни разу в жизни я не произнес слово «папа». Нас было много таких, кто перед войною родился.

Отыскал старые школьные фотографии. Четвертый класс калачевской семилетней школы. Послевоенные, сорок девятый да пятидесятый годы. Сплошная безотцовщина. Отцы погибли, от ран умерли, пропали без вести. Леня Подольцев, у него трое братьев. С матерью да бабкой бедуют. Толя Пономарев, мой товарищ. Коля Лузиков, у него двое братьев, Коля Арьков, Коля Гаврилов, Витя Новохатский, Митя Шацилло, Витя Гуляев — все без отцов. И у девчат — та же песня: Галя Лаптева, Валя Андреева, Рита Арькова, Лена Еремина, Валя Жукова… Легче назвать тех, у кого были отцы: Вишняков, Долгов, Пелишенко Вадим — это из первого ряда, из одиннадцати человек.

Во втором ряду отцы у троих: у Пантелеева — председатель райисполкома, у Скрылева — дядя Ваня, тоже в райисполкоме работал, у Люды Стеценко — офицер.

Так было в классе, так и в соседях: на улице, во всей округе. Коля Семенов да Толя Афонин, рядом — трое Мирошкиных, без отца. Варенниковы, Быковы, Горшенковы, Коротковы. Убит, умер, без вести пропал — одним словом, нет отца. Вот и читай в букваре пустое слово «па-па».

У внука Мити в толстенной книжке с картинками на первой странице крупными буквами написано: «Мама», «Папа», «Баба», «Деда». А он, пальчиком тыкая, порою читает по-своему: «Па-па», «Па-па», «Па-па», «Па-па». Папин сын. Может быть, потому, что мамины заботы — будничны и не так заметны. А папины — праздник.

Вечером, перед сном, принимая ванну, он любит там барахтаться с папой. И только папа умеет подбрасывать его до потолка.

— Га-а-аж! — кричит Митя. — Га-а-аж!

Тоже праздник. В гараж ехать с отцом на машине. А оттуда до самого дома — на папиной шее, горделиво поглядывая на мир. Вот так же после войны на первомайских демонстрациях на отцовских плечах, всем на зависть, ехали те счастливцы, у кого были отцы.

Во время войны всем тяжело. Но война кончилась, и кто-то из отцов, но вернулся. В нашей округе — хромой Лагутин, Куров на одной ноге, с костылем и деревяшкой, а кто-то, слава богу, и вовсе целый. Отцы вернулись. Это для семьи дело великое. Мужик есть мужик. Он сладит дом ли, флигель, и семья не будет в землянке ютиться. Хлеба кусок заработает. От голода пухнуть, спасаться на желудевых «джуреках», «пышках» из лебеды,

вязового листа да «козелика» его дети не будут. Мужик есть мужик. Он — батя, он приласкает сына и дочку. Это — папа, а не пустые буквы в букваре.

Теперь, считай через век, все будто забылось. Но глянешь на старую фотографию — и выплывает… Это было нечасто, но помнится: «Если бы отец был живой, то мы бы…» Несмышленые, о чем-то грезили, о чем-то мечтали несбыточном, недолго тешась. Если бы да кабы…

Помню, как плакал, собирая зерно совком и руками, когда не успел подъехать на быках к комбайну и комбайнер выгрузил весь бункер на землю.

— Вот и собирай до зернышка! — кричал колхозный бригадир. — Будешь знать, как опаздывать!

Господи… Я ведь рос в поселке, с быками дела не имел, на заработки приехал в колхоз, двенадцать лет «работнику».

— Будешь знать!

На жаре, под солнцем, голыми руками… Собирал и плакал. Не ведро, не мешок, а целый бункер, чуть не полтонны. Комбайн «Сталинец-6». Собрал, да еще на целый «трудодень» оштрафовали.

Сиротские слезы. Кто утер их?..

Где-то читал, что в самом конце войны, перед штурмом Берлина, предлагали маршалу Жукову не торопиться, избежать лишних жертв. Но произнес решительно полководец: «Русские матери еще нарожают». От кого нарожают? От маршалов? И как будут сироты жить? Ах, как любил суровый маршал своих дочурок! Чужих сиротил без долгих раздумий. Ах, как трогательно любил свою дочку «Сетанку» суровый Сталин…

Был такой лозунг в послевоенные годы, в детских садах плакаты висели, в школах: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!»

Оно, конечно, было счастливым, как всякое детство. Особенно теперь, в памяти, когда за дымкою лет далеких остались голод, холод, сиротство, детская боль, слезы. Штаны из мешковины, куртки из шинельного сукна, пустые щи из лебеды, кусочек черного липкого хлеба — лакомство, тополевые да березовые «китушки», корни «козелика», стебли сныти — лишь бы брюхо набить. А все вместе — это просто сиротство, с детской болью, слезами.

Все проходит, и все забывается. Но слово «папа», крупно написанное в «Букваре», оказалось в жизни лишним. Для меня, для Толи Пономарева, для братьев Подольцевых, для братьев Лузиковых, Мирошкиных, Варенниковых, для Мити Шацилло и для Гали Лаптевой, Риты Арьковой, Коли Арькова…

В анкетах, устных и письменных, есть слово «отец». На него отвечали: погиб ли, умер, пропал без вести. Вот она — старая фотография. Война уже кончилась. Впереди — долгая жизнь. Но слово «папа» я даже во сне не произнес ни разу.